

Экран и сцена -
2005. - дек. (~ 41-42). - 4/15.

Лезвия роз

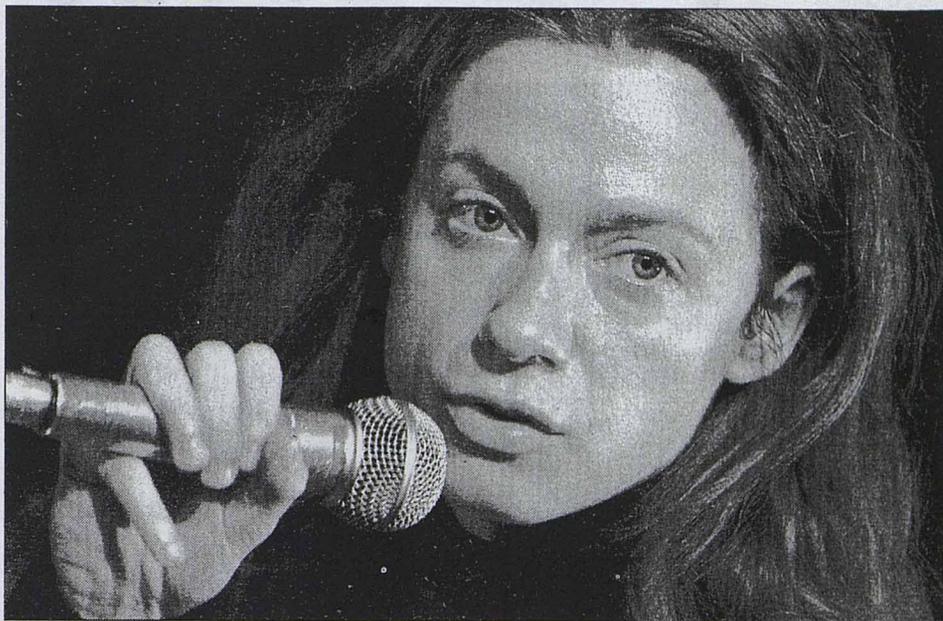
Спектакль "К Пентесилее" Национального драматического центра Нормандии Комеди де Кан стал самым неожиданным событием прошедшего НЕТа. О его создателях – почти дюжина хореографов, один режиссер и одна актриса, играющая сразу всех персонажей пьесы Генриха фон Клейста, – было мало что известно. Кроме того, конечно, что режиссер Эрик Лакаскад – тот самый, по чьей воле весь театральный Париж прошлой зимой устремился в "Одеон" – смотреть "Гедду Габлер", поставленную им для Изабель Юппер.

Сегодня не так часто решаются играть трагедию. А уж сыграть ее как моноспектакль!.. За последние 10 лет на московских подмостках на это осмелились только Алла Демидова – Медея в спектакле грека Теодороса Терзопулоса и французенка Валери Древилль, исполнившая ту же роль в постановке Анатолия Васильева. Оба спектакля вошли в галерею театральных легенд.

Итак, "К Пентесилее". С первого взгляда на молодую Дария Липпи стало ясно, что свой вызов она бросила публике по праву: низкий, рокочущий голос, властный взгляд (Пентесилея – царица амазонок), скульптурная пластика. С каким величием она скидывает светский наряд Рассказчицы, чтобы предстать в роли полуобнаженной Амазонки! С какой великолепной яростью танцует, растаптывая охапку красных роз – у Клейста Пентесилея, мечтает о Празднике Роз, на котором ей позволено будет любить Ахилла, но праздник оборачивается кровавой оргией.

Струи крови, пролитой во время воображаемой схватки с Ахиллом, проецируются специальными лучами на обнаженное тело актрисы и распускаются на белой коже огромными алыми цветами (вкус и мастерство, с которым выполнена эта видеоинсталляция, заслуживают отдельной статьи). А как благородны движения Пентесилеи, плененной невидимым нам Ахиллом и вырывающейся из его сетей...

Хочется еще рассказать о том, как неуклонно движется актриса к вершине, к катарсису, а вместе с нею мы – зрители, замороженные ее голосом, пульсирующим стихотворным ритмом, мощью античных страстей и неожиданной догадкой: чтобы так существовать на сцене, нужно ощутить в себе духовное право играть трагедию. Дария Липпи это право явно выстрадала. Обо всем этом можно рассуждать долго и пространно, однако – слово создателям спектакля.

Эрик ЛАКАСКАД и Дария ЛИППИ:

«Мы не крадем великие произведения, мы их потом возвращаем!..»

Эрик Лакаскад: Я стал думать о "Пентесилее" во время забастовки в Авиньоне, где должны были показывать нашего "Платонова". И вот, во время вынужденного простоя, я вспомнил об этой истории – властная царица амазонок, пожирающая свою любовь...

– Как чувствовала себя актриса, работая одновременно с одиннадцатью хореографами?

Дария Липпи: Все эти хореографы – актеры, мои коллеги по труппе. Мы оказались близки не только профессионально, но человечески и политически. В их руках я ощущала себя глыбой из камня: каждый смотрел на меня и отсекал кусок моего естества, который казался ему лишним. И это было совсем даже не плохо. То, что отпало, – костяк образа.

– Почему именно "Пентесилея"?

Лакаскад: Я знал, что Дария увлечена этим текстом с четырнадцати лет. Мне было интересно: почему? Меня всегда интере-

сует линия взаимодействия между исполнителем и персонажем. Но должен предупредить: я ненавижу, когда говорят "войти в шкуру персонажа". Абсурдно заявлять: "Мне хотелось бы быть Гамлетом". Воплощать персонаж можно только на мгновения, все остальное – взгляд со стороны.

Липпи: Моя работа – заставить вас поверить, что этот свет, музыка, слова – это Пентесилея. Одна из тысяч возможных пентесилей. Но она ваша, не моя. Моя осталась в том времени, когда мне было четырнадцать. Так что образ – это математическое уравнение.

Лакаскад: Мы работаем с Дария уже двенадцать лет. В семнадцать она была моим ассистентом, потом играла Нию в "Чайке", Софию в "Платонове", Шуру в "Иванове". Она служила мне, как гарсон в этом кафе, – то есть выполняла любое поручение. И вот я решил послужить ей. Трудность была в том, что пришлось превратить пьесу Клейста, где действуют 25 персонажей, в спектакль для одной актрисы. Я впервые работал над моноспектаклем.

– В Москве спектакль игрался без перевода. Меня поразила безупречная, чеканная читка стиха – та самая французская классическая читка, о которой мы столько знаем и которую мало кто слышал.

Липпи: Это иллюзия, ведь я – итальянка. Но мы попытались найти наилучшее соединение слова и физического действия. Это не классическая читка, но и не современная в вульгарном смысле этого слова. У нас была четко регламентированная словесная партитура, не позволяющая никаких словесных импровизаций.

Лакаскад: Больше всего я ненавижу синхронный перевод. Помню, когда мы готовили электронные титры для "Чайки", мы занимались этим неделю – мне хотелось, чтобы текст титров особенным образом напылял из темноты. И когда получилось, мне так это понравилось, что я думал даже сохранить титры для наших спектаклей в Комеди де Кан. Но для "Пентесилеи" бегущая строка не годится – она могла бы испортить сценографию. Хочу еще добавить, что во Франции сцена, на которой играет "Пентесилея", отделана деревом, в глубине – четырехметровые деревянные панно, а между ними – металлические соединения.

– Вы несколько раз ставили чеховских "Иванова", "Платонова", "Три сестры".

Лакаскад: Я вовсе не специалист по Чехову, я не люблю "Вишневый сад", но я мог бы часами говорить о тех пьесах, которые ставил. В пьесах Чехова сильная личность существует лишь в окружении других, несется группой. Вот это и есть русская душа – масса, из которой вдруг вырывается индивидуальность. Отчасти я использую это в своем режиссерском методе – когда репетирую, все актеры работают над всеми ролями сразу, предлагают свои варианты. Каждый видит несколько подходов к роли. Бывает так: прославленный актер играет то, что открыл в его роли другой, у которого роль, может быть, совсем незаметная. Так, кстати, было с Изабель Юппер во время репетиций "Гедды Габлер" – несколько других актрис напищывали ее своими идеями.

– К будущему Авиньонскому фестивалю вы готовите "Варваров" Горького. Кого будет играть Дария Липпи?

Лакаскад: Дария будет играть Лидию. Но в вашем вопросе я чувствую подтекст: почему я снова беру за русскую классику? Потому что мне кажется, что сердцевиной европейской души лежит где-то здесь, у вас. Потому что я хочу заниматься искусством, а не коммерцией. И вообще: не думайте, что мы крадем ваши великие произведения, мы их потом возвращаем, узнав многое о самих себе и о вас.

Алла ШЕНДЕРОВА

В тексте использован материал пресс-конференции, данной Эриком Лакаскадом и Дария Липпи 24 ноября в Москве.

• Дария Липпи
Фото В.ЛУПОВСКОГО